

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Коммунальная революция во Франции в 1871 году

Вадим Дамье

Когда речь заходит о Парижской коммуне, то чаще всего представляют себе изолированное рабочее восстание в одном отдельно взятом городе, жестоко подавленное после героического сопротивления через 72 дня. Между тем, парижская революция 1871 г. отнюдь не была таким изолированным движением. Тогда, в 70-е годы прошлого века городское коммунальное восстание против централизованного буржуазного или буржуазно-феодалного государства было основной формой революционного повстанческого выступления пролетариата. Это было время, когда, говоря словами Кропоткина, «знамя коммунального восстания поднимают уже не маленькие города, а такие как Париж, Лион, Марсель, Сент-Этьен, Картахена (в Испании)». В 1870-1871 гг. движение за превращение городов в самоуправляющиеся коммуны, объединенные затем в федерации, охватило Францию, в последующие несколько лет – Испанию. С полным основанием можно было

Вадим Дамье
Коммунальная революция во Франции в 1871 году

Оригинал был удален с сайта aitrus, поэтому
<https://a2day.org/kommunalnaya-revolyutsiya-vo-frantsii-v-1871-godu/>

ru.anarchistlibraries.net

утверждать, что это – революционное движение с общеевропейскими перспективами.

Революционный взрыв не случайно начался именно во Франции. Франция была классической страной революций. С 1789 по 1914 гг. не было десятилетия, чтобы эта страна не стояла на пороге социальной войны или восстания. Более того, очень часто во Франции начинались революционные движения, которые затем быстро выходили за ее границы и распространялись по европейскому континенту. Так было, например, с революцией 1848 г. Вот почему все правительства Старого континента были заинтересованы, чтобы во Франции стоял у власти реакционный режим. Одним из таких режимов, который, по словам Маркса, довел идею государства до своего полного апогея, после которого должен был неминуемо последовать крах, была диктатура Наполеона III (1851-1870), или так называемая «Вторая империя».

Наполеон III пришел к власти как президент республики, совершивший государственный переворот в декабре 1851 г.; на следующий год он объявил себя императором. Экономическая и социальная история Второй империи весьма поучительна и позволяет обнаружить немало параллелей с современной политикой правящих классов мира с их переходом от социального государства благосостояния к неолиберальному хаосу со всеми его тяжелейшими социальными последствиями. Наполеон III пришел к власти на волне популистских лозунгов и начал с создания своего рода «социального государства». Огромные средства – совсем как при нацизме или «новом курсе» Рузвельта – вкладывались в общественные работы, благодаря которым трудящиеся получали работу и, следовательно, гарантированный заработок. Правда, это имело и свою обратную сторону – меньше денег вкладывалось в индустриально-техническое

развитие и в торговую экспансию. Тем менее. В течение 50-х гг. императору удавалось за счет этого поддерживать популярность своего режима. Чтобы найти средства для финансирования программы общественных работ, Наполеон III поощрял создание инвестиционных групп, готовых идти на рискованные финансовые операции. При его покровительстве братья Перейра создали крупнейшее кредитное общество «Креди мобилъе», которое в течение первого десятилетия империи контролировало финансы страны. Начав с первичных инвестиций в 60 миллионов франков, фирма только в 1855 г. получила прибыль в 31 миллион франков. Старые банки (включая Ротшильдов и «Банк де Франс») взирали на это с ужасом и завистью: они умоляли императора перейти к большей экономии средств и более здоровой политике капиталовложений. Наконец, в 1861 г. император назначил министром финансов Ашиля Фульда, кандидата консервативных банковских кругов. Новый министр сократил финансирование общественного строительства и муниципальных проектов. Рабочие, привыкшие к стабильным рабочим местам, столкнулись с растущей безработицей. Терпимость трудящихся классов к режиму моментально сменилась враждебностью, стали возрождаться прежде разгромленные рабочие общества, и последнее десятилетие империи ознаменовалось растущей активностью борьбы, стачками, антиправительственными выступлениями, которые, в конечном счете, и вылились в коммунальную революцию. Сигналом краха стало внезапное банкротство «Креди мобилъе» в 1867 г.

1860-е гг. стали периодом повсеместного социального брожения и недовольства. Недовольны были все, даже монархистские депутаты парламента требовали либеральных реформ. Стачки прежде неслыханной силы и продолжительности охватили почти все отрасли промышленности. В 1869-1870 гг. забастовочное движение

стремительно нарастало, вспыхнули стачки на фабриках в Обене, Ле Мане, Альби, Лионе, Марселе, Руане, Ле Крезе. Особенно ожесточенной была забастовка сталелитейщиков в Ле Крезе, на заводе преуспевающего предпринимателя Эжена Шнейдера. Рабочие забастовали осенью 1869 г. из-за сокращения зарплаты; вспыхнули столкновения между рабочими, штрейкбрехерами и жандармами, хозяин дважды вызывал войска. Во второй раз, в марте 1870 г., забастовщиков поддержал весь город, и события стали напоминать восстание. Рабочие требовали не только выплаты зарплаты, но также права на собрания и свободу слова, некоторые требовали восстановления республики. На подавление движения была брошена целая армейская бригада под командованием двух генералов.

В попытке смягчить напряжение и позволить «стравить пар» власти в 1868 г. смягчили дотоле почти полную цензуру. Но в результате почти вся оживившаяся пресса – левая, правая и центристская – принялась вовсю ругать империю, императора и императрицу.

Великолепным отражением духа времени стало появление в рабочих кварталах Парижа нового, бешеного танца. Он гораздо лучше свидетельствовал о хаосе и тяге к переменам, чем любая критическая или издевательская статья в каком-нибудь республиканском журнале. Этим танцем был канкан, выразивший ощущения конца старого мира и первых шагов человечества на пути к чему-то новому. Откуда пошел канкан, точно до сих пор неизвестно. Некоторые уверяют, что его, как и гонорею, занесли солдаты, вернувшиеся из Алжира. Позднее, как это были в Аргентине с танго, танец превратился в развлечение для туристов и богачей в кабаре и кафешантанах, но тогда, первоначально, его танцевали под открытым небом, как мужчины, так и женщины. Тот канкан был даже не столько

Второй вывод. Не следует разделять социальную и политическую революцию, утверждать, что можно начать с первой, а затем перейти ко второй. Революция должна быть именно действием самоорганизованного народа, захватом трудящимися своих предприятий, домов, кварталов, жизненных припасов и предметов потребления – самоорганизованными жителями. «Чтобы общинная политическая революция могла восторжествовать, надо уметь провести одновременно революцию экономическую». «Народ – крестьяне и городские рабочие – должен будет начать сам строительную и воспитательную работу на более или менее широких коммунистических началах, не ожидая приказаний и распоряжений сверху». Немедленная и всеобщая экспроприации власти и собственности устанавливает систему вольного, безгосударственного коммунизма. На основании уроков Парижской Коммуны анархисты в 1870-х гг. выдвинули теорию вольного, анархистского коммунизма, принятого в 1880 г. официально Юрской федерацией Интернационала. Важную роль при этом сыграли участники Коммуны Элизэ Реклю, Лефрансэ и другие.

Наконец, для победы революции нужно единство трудового народа. Коммуна относилась к сельским жителям Франции, как к «реакционной деревенщине». Она не смогла установить отношения прямого продуктообмена с трудовым крестьянством. Это обрекло Париж на изоляцию и нехватку продовольствия. К сожалению, проблему «хлеба» не удалось решить и в следующей великой революции – Российской. Это было сделано только во время Испанской революции благодаря либертарной коллективизации сельского хозяйства. Но это уже совсем другая история.

танцем, сколько состоянием духа свободы, сексуальной раскрепощенности. Женщины и девушки из рабочего класса, работницы, служанки танцевали без нижних штанов, охотно демонстрируя интимные части своего тела всем желающим. Это был вызов консервативным нравам и буржуазии, и консервативные наблюдатели именно так это и воспринимали. Это был знак переворота, хаоса и карнавала, который через несколько месяцев охватил Париж и навсегда изменил мир.

Крах Второй империи последовал в результате Франко-Прусской войны. Как и Первая мировая война, это была катастрофа, которую многие предсказывали, но лишь немногие действительно ожидали. Когда социальное и политическое напряжение во Франции стало расти, правящие круги империи решили пойти на «маленькую победоносную войну» в расчете укрепить авторитет режима и отвлечь внимание населения. Но война получилась не маленькой и не победоносной. Бисмарковская Пруссия тоже нуждалась в войне с Францией, но по своим причинам, стремясь завершить дело создания могучей Германской империи. Вопреки ожиданиям самоуверенных и совершенно бездарных французских генералов, немецкая сторона подготовилась к этой войне гораздо лучше. Сказалось и полное разложение военного аппарата наполеоновской империи. К тому же, французская армия так и не смогла использовать ни свои сравнительно современные ружья, ни свое новое секретное оружие – пулемет-митральезу. Гигантские пушки Круппа перемалывали французских солдат в фарш прежде, чем тем удавалось встретиться с врагом лицом к лицу. В результате всего этого поражение следовало за поражением, дело было решено в течение каких-нибудь 6 недель. Война была формально объявлена 19 июля 1870 г., а уже 2-3 сентября главные армейские

силы императорской Франции под командованием генерала Базэна были окружены и уничтожены под Мецем. Император попал в плен.

Реакция на войну во Франции была неоднозначной. Некоторая часть республиканцев в парламенте выражала сомнения в разумности этой войны. Большинство буржуазии было не против войны, но хотело перемен. В парижских секциях Первого Интернационала хорошо понимали подлинные причины войны, но, к сожалению, никаких реальных мер по сопротивлению ей организовано не было. Среди рабочих война не вызывала энтузиазма. В рабочем пригороде Бельвиль, позднее сыгравшем активную роль в событиях, связанных с Коммуной, попытки агентов власти вызвать взрыв шовинистических чувств среди толпы провалились, люди кричали: «Да здравствует мир!», толпа была разогнана жандармами. Аналогичные события произошли в Марселе и Лионе.

Еще до официального объявления войны огромный митинг рабочих Парижа обратился к немецким рабочим: «Братья, мы протестуем против этой войны. Мы желаем только мира, свободы и работы. Не верьте людям, старающимся вас обмануть насчет истинного настроения французского народа». Берлинские рабочие ответили на обращение в том же духе. Но когда война все же началась и стала сопровождаться поражениями, настроение людей изменилось.

Здесь мы впервые сталкиваемся с одной из особенностей революционного движения 1870-1871 гг. – его своеобразным промежуточным положением между прошлым и будущим, между буржуазными и народными революциями прошлого, образца 1793 г. и революциями организованного пролетариата, то есть революциями будущего. Как и для революционного народа 1793 г., для революционеров 1870-1871 гг. были характерны сильные национал-

КОС, но призвал к единству. Меньшинство вернулось в Коммуну, но полного примирения так и не произошло вплоть до последнего заседания Коммуны 21 мая. В тот же день версальские войска ворвались в Париж. Последовала неделя ожесточенных и героических боев. Население Парижа воздвигло баррикады и сражалось за каждую улицу. Но силы были неравны. 28 мая все было кончено. Начались дикие репрессии, стоившие жизни, по некоторым подсчетам, до 30-40 тысяч человек. Коммунальная революция во Франции была подавлена.

Какие выводы можно сделать из опыта французских Коммун 1870-1871 гг.? Об этом много писал Кропоткин. Его оценки сводились к следующему.

Прежде всего, коммунальные восстания «указали, какою должна быть, какою, вероятно, будет политическая форма будущей революции...» «Свободная община – такова политическая форма, которую должна будет принять социальная революция». Однако необходимо в будущем решительно ликвидировать всякие остатки и элементы государственной власти, системы представительного правления и заменить ее прямым самоуправлением народа, объединенного в общие собрания, коммуны и их свободные федерации. «Если не нужно центральное правительство, чтобы приказывать свободным общинам, если национальное правительство уничтожается и единство страны достигается с помощью свободной федерации общин, – в таком случае таким же лишним и вредным является и центральное городское управление... Федеративный принцип, то есть вольные объединения кварталов, промышленных союзов потребления и обмена и т.д. вполне достаточен, чтобы установить внутри общины согласие между производителями, потребителями и другими группами граждан.»

всякие чрезвычайные полномочия, доказывая, что слабость Коммуны происходит не от недостатка власти, а от отсутствия организованности, что диктатура не спасает свободы, а подавляет ее. Предложение было принято 45 голосами против 23. Новый КОС был избран всего лишь 37 членами Коммуны из более чем 80. Не удовлетворившись этим, бланкисты и военный делегат Россель в тот же вечер обсудили возможность военного переворота и разгона Коммуны. В конечном счете, по предложению прокурора Риго было решено подождать до возвращения в Париж Бланки, а пока подготовить общественное мнение и добиться ограничения роли ЦК НГ. Утверждали, что 9 мая Россель намеревался действовать в одиночку, но в итоге выступление не состоялось. Россель подал в отставку. Отношения между большинством и меньшинством стремительно ухудшались. Участие меньшинств в избрании нового КОС 9 мая не сгладило противоречий (в новый КОС были снова избраны только якобинцы, бланкисты и их союзники). ЦК НГ предложил Росселю пост диктатора, но тот отказался. Коммуна приказала арестовать его. 12 мая большинство добились от Коммуны решения о том, что КОС имеет право менять состав всех делегаций и комиссий Коммуны. 14 мая меньшинство объявило о бойкоте работы Совета Коммуны и о перенесении работы в округа. В ответ 17 мая в Коммуне был поставлен вопрос об аресте членов меньшинства. Переворот с большим трудом предотвратил старый ветеран-революционер якобинец Делеклюз, используя весь свой авторитет. Некоторые предупредили также, что национальная гвардия не поддержит аресты. В итоге предложение возглавляемой бланкистами прокуратуры об аресте было отклонено. 20 мая Федеральный совет Интернационала поддержал призыв об отмене диктаторских полномочий

оборонческие мотивы. Хотя знаменитая фраза о том, что пролетарии не имеют отечества, была уже произнесена, современные представления о классовом интернационализме еще не сформировались. Зато, как и в период Великой Французской революции представления о защите отечества и о революции тесно переплетались в своеобразное «революционное оборончество». Иными словами, люди все еще считали, что революция может быть наилучшим способом защиты нации, если правящие круги с этой задачей справиться не в состоянии. Французские революционеры не предприняли никаких попыток наладить настоящую революционно-интернационалистскую работу с немецкими рабочими, одетыми в солдатские шинели, и в этом была их первая ошибка. Национальная идея наложила отпечаток на дальнейшую судьбу французской революции; позже это кристаллизовалось в тезис о первичности войны и обороны и вторичности революционных преобразований.

Когда новость о поражении под Мецем дошла до Парижа 3 сентября, население обвинило имперскую власть в поражении. Была созвана чрезвычайная сессия парламента. На следующий день парижане оделись в мундиры «национальной гвардии» (городского ополчения) и ворвались в здание парламента, где проходила сессия. Люди, предводительствуемые бланкистами Граньером и Левро, потребовали провозглашения республики. Толпа заставила депутатов проследовать в ратушу Парижа, которая была уже занята народом. Наряду с трехцветным флагом во дворе развевалось и рабочее, красное знамя. Якобинцы составляли свой список кандидатур во временное правительство, однако депутаты так называемой «левой» фракции парламента отказались уступить власть и объявили о создании правительства. Среди его членов были умеренные республиканцы

Гамбетта, Фавр, Кремле, Ферри, монархист Тьер. Рабочие требовали включения в правительство якобинца Делеклюза, Бланки и Роллена, депутаты не уступали. В итоге удалось договориться о компромиссе: во временное правительство «национальной обороны» во главе с начальником парижского гарнизона генералом Трошю помимо умеренных республиканцев и монархистов был включен только популярный в народе левый журналист Рошфор, освобожденный из тюрьмы. Как позднее вспоминала коммунарка-анархистка Луиза Мишель, «верили, что Республика принесет и победу, и свободу. Тот, кто заговорил бы о сдаче, был бы растерзан на месте... Правительство клялось, что никогда не сдастся. Все были преданы родине беззаветно; каждый хотел иметь тысячу жизней, чтобы принести их в жертву.

Революционеры были повсюду, и число их все возрастало; в каждом чувствовалась огромная жизненная мощь. Казалось: вот здесь сама революция». Люди надеялись, что Республика разобьет прусские войска, а «по заключению мира, Республика не будет воинственной, агрессивной по отношению к другим народам. Интернационал завоюет весь мир в горячем порыве социального Жерминаля».

Ничего себе начало для социальной революции – наивный, оборонческо-националистический подъем, можете сказать вы. Тем не менее, начиналось именно так. И это будет не последний парадокс революции 1870-1871 гг.

Перед правительством 4 сентября стояло множество задач. Прежде всего, продолжить войну с учетом того, что 19 сентября прусские войска подступили к Парижу, что население требовало оружия, а дать его ему было бы опасно для имущих классов. Можно было, конечно, заключить мир, но условия были бы явно тяжелыми,

учителям и тратила все больше на войну с версальцами. Деньги приходилось униженно выпрашивать в банке. Член Совета Коммуны Амурру предлагал захватить банк и управлять им, председатель одного из клубов и член ЦК 20 округов Троель призывал конфисковать содержащееся там имущество. 12 мая бланкисты попытались занять банк. Но делегат Коммуны прудонист Белэ категорически не допускал даже возможности давления на банкиров в виде присылки национальных гвардейцев.

Как видим, Бакунин был совершенно прав, когда говорил, что Совет Коммуны «стал самым большим препятствием для революции».

Я не буду останавливаться на всех перипетиях и подробностях политической истории Парижской Коммуны. Она проходила в основном под сенью и под давлением боевых действий с версальскими войсками. 2 апреля версальцы открыли кампанию. Война разворачивалась неудачно для Коммуны, которая упустила время для похода на Версаль. Вспыхивали острые разногласия между ЦКНГ и Коммуной и внутри самой Коммуны по военным вопросам, о контроле над национальной гвардией. Военные неудачи побуждали бланкистов и якобинцев требовать централизации власти. Уже 21 апреля было сформировано своего рода «правительство» Коммуны: исполнительная власть была передана собранию делегатов комиссий. 28 апреля член Коммуны Мио предложил создать по примеру 1793 г. «Комитет общественного спасения». При обсуждении вопроса 1 мая вспыхнули острейшие разногласия, которые продемонстрировали, насколько по-разному понимали революцию различные течения. Большинство, состоявшее из якобинцев, бланкистов и независимых, склонялось к сильной диктаторской власти, меньшинство же (члены Интернационала, небольшая часть бланкистов) отвергало

принято постановление об отмене штрафов, которые предприниматели налагали на рабочих.

Прудонистская газета «Ла Сосиаль» взывала к буржуазии: успокойтесь, мы не собираемся отнимать у вас ваших завоеваний. Вы на законных основаниях владеете имуществом. Мы хотим встать не на ваше место, а рядом с вами. Мы можем идти параллельно.

Большинство социалистов 1871 г. уважали собственность. Коммуна несколько раз возвращалась к судьбе вещей, заложенных в ломбарде. Для бедного трудового люда Парижа вопрос имел жизненное значение. 25 апреля член комиссии труда Авриаль предложил Коммуне в принципе ликвидировать ломбард как учреждение, а для начала безвозмездно вернуть заложенные инструменты труда, мебель, белье, одежду ценностью менее 50 франков. Прудонисты были возмущены. «Это было бы несправедливостью по отношению к ломбарду; уничтожить ломбард значило бы причинить ущерб собственности, чего мы еще никогда не делали», – заявил Журд. А будущий зять Маркса Лонге объявил, что, по его мнению, и в вопросе об списании долгов по квартплате Коммуна проявила «идеализм» и «сентиментализм», голосовала «сердцем, а не разумом» Коммуна должна примирять интересы, а не действовать в интересах одних против других. Они хотели быть очень разумными и взвешенными, эти социалисты по Прудону. Принятие декрета было отложено. Только 6 мая вопрос был поставлен вновь. На сей раз было решено вернуть владельцам вещи стоимостью менее 20 франков.

Коммуна так и не посмела прикоснуться к ценностям, хранившимся во Французском банке размером в 3 млрд. франков. Кроме обычных муниципальных расходов, она должна была выплачивать пенсии семьям погибших национальных гвардейцев, увеличила жалование

и националистически настроенное население вряд ли согласилось бы с ними. Следовало быстрее созвать Национальное собрание и стабилизировать режим. Необходимо было стабилизировать внутривластическое положение, ибо по стране разливалась широкая волна стачек, волнений и беспорядков. Надо было также попытаться как-то сдержать или нейтрализовать радикальные революционные течения.

Сейчас самое время несколько отвлечься от хода развития событий и посмотреть, о каких радикальных революционных течениях шла речь во Франции 1870 г. и чего они, собственно говоря, добивались?

Старейшим из этих течений были якобинцы. Они вели свое происхождение от Якобинского клуба периода Великой Французской революции, выступая как продолжатели традиций Робеспьера и Сен-Жюста, Парижской коммуны XVIII века и Комитета общественного спасения. Иными словами, они были главными выразителями «духа 1793 года». С тех пор якобинцы принимали активное участие в каждой последующей французской революции. Подобно умеренным республиканцам, они также требовали республики, но понимали ее несколько иначе. Изначально якобинцы были сторонниками частной собственности, требуя, чтобы каждый человек стал собственником, ибо только это гарантирует его свободу. Из этого логическим образом вытекало представление о том, что собственность не должна быть чрезмерно сконцентрирована в руках немногих богачей, что ее следует распределить более или менее равномерно. В XIX веке среди якобинцев появились и сторонники социалистического отношения к собственности, но все же социальный момент в их воззрениях имел второстепенное значение, на первом плане стояла Республика. Более противоречивым стало и отношение якобинцев к

государству. В эпоху Великой революции они были рьяным поборниками государственной централизации, «единой и неделимой республики». После 1865 г., столкнувшись со сверхцентрализованным государством Второй империи и не без влияния федерализма Прудона, они несколько смягчили свою позицию, отстаивая самоуправление на местах. Национализм сочетался у якобинцев с идеей «Всемирной республики» в духе Тома Пэна, который был когда-то депутатом Конвента.

Второе течение было представлено последователями Огюста Бланки. Бланкистов многие определяли как «якобинцев-социалистов». Исторически их идеи восходили к «заговору равных» 1796 г. Бабефа. Бланки и его сторонники активно участвовали в революциях и восстаниях 1830, 1848 и 1851 годов. По его представлениям, революция должна была совершиться небольшим, организованным меньшинством, это была бы своего рода «революция-заговор». Эти революционеры-заговорщики должны были сплотить и поднять массы, а после победы создать режим революционной диктатуры и осуществить социальные мероприятия и реформы. Они не были против местного самоуправления, но в рамках сильной революционной власти. Социальные мероприятия новой власти бланкисты представляли себе с трудом и, хотя в теории и были скорее «коммунистами-государственниками», на деле никакой четкой программы не имели. С 1860-х гг. по всей стране стали возникать бланкистские тайные общества, состоявшие преимущественно из студенческой молодежи.

Наконец, третье (по времени возникновения, но не по значению) течение было представлено французскими последователями Первого Интернационала – Международного Товарищества Рабочих (МТР). Они также не были монолитны, но опирались преимущественно на

обмундирование для НГ. Представитель комиссии по труду Франкель предложил передавать заказы впредь рабочим ассоциациям. В итоге Коммуна предоставила комиссии право пересмотра контрактов с подрядчиками и решила передавать заказы рабочим организациям. Был установлен также минимально гарантированный уровень зарплаты. Однако попытки Франкеля внести пункт о 8-часовом рабочем дне не был поддержан.

Крайне неохотно вмешивалась Коммуна в отношения между предпринимателями и рабочими. Прудонистские догмы гласили, что это не дело посторонних органов (в данном случае, Коммуны). Парижские рабочие пекарен в течение 2 лет боролись за отмену практики ночного труда. Они добивались соответствующего решения от Коммуны. 20 апреля исполнительная комиссия Коммуны приняла его, но хозяева выступили с протестом. 28 апреля Коммуна вернулась к обсуждению этого вопроса. Часть членов Коммуны предложила отложить осуществление декрета. Вийар, Бийорэ, Тейс и другие, как и право-прудонистская печать, считали, что Коммуна не должна вмешиваться в частные вопросы отношений между хозяевами и работниками. Авриаль, Варлен, Ледруа, Малон, другие члены Интернационала поддерживали рабочих. «Они могли бы забастовкой заставить хозяев исполнить» свое требование. «Но рабочие пекарен не могут бастовать: государство запрещает им это», – пояснял Авриаль на заседании Коммуны. За свое терпение рабочие были вознаграждены: с 3 мая ночная работа в булочных была отменена. Революционные социалисты 1871 г. с трудом договорились о мере, естественной для самых умеренных социал-демократов 100 лет спустя! Но дальше дело пошло легче: 27 апреля по предложению исполнительной комиссии после многочисленных писем рабочих было

последние дни Коммуны готовилась экспроприация одного из крупнейших заводов – «Баррикан».

3 мая Союз женщин для обороны Парижа и ухода за ранеными (фактически – женская секция Интернационала) предложил комиссии труда и обмена создание женских кооперативных производственных ассоциаций и последующее объединение их в федерацию. Проект предусматривал сокращение рабочего дня, равную оплату труда с мужчинами, предоставление мастерским займов, заказов, сырья, вступление ассоциаций в Интернационал. 6 мая Франкель изложил это предложение в Совете Коммуны. Квартальные комитеты Союза женщин должны были провести подготовительную учетную работу. Мастерские должны были открыться в середине мая. Были организованы мастерские по пошивке военного обмундирования, в котором нашли работу безработные женщины. 3 тысячи работниц были трудоустроены в мастерских по изготовлению патронов.

Предложения об экспроприации капиталистических предприятий чаще всего не получали поддержки в Совете Коммуны. Был введен контроль Коммуны над железными дорогами, но предложение Жоаннара от 28 апреля о конфискации имущества «Северной компании» не было поддержано. Не были услышаны намеки военного делегата Кюзере 23 апреля и Шалэна 4 мая об экспроприации крупных заводов «Кэль». Наконец, 4 мая вообще-то близкий к бланкистам Везинье внес в Коммуну свое знаменитое предложение об экспроприации с возмещением всех крупных монополистических предприятий со всем их инвентарем, временной передаче их рабочим ассоциациям, передаче им заказов и открытии кредита. Проект даже не был обсужден.

13 мая Коммуна приняла декрет, направленный против эксплуатации рабочих и работниц, производящих

рабочее движение. Во французских секциях ощущалось сильное влияние либертарных и про-анархистских идей федерализма, они даже приняли свой соответствующий устав, существенно отличавшийся от линии Генерального совета вокруг Маркса. Первоначально большинство французских членов и сторонников Интернационала находились под влиянием идей Прудона, прежде всего о необходимости ликвидации централизованного государства и замене его федерацией самоуправляющихся территориальных единиц, а во-вторых, о развитии рабочего кооперативного движения. Члены Интернационала создавали рабочие ассоциации, которые не только вели экономическую борьбу с буржуазией, но и считали свои союзы основой экономической системы будущего общества. На этой почве пролегла разделительная линия между традиционными прудонистами, избегавшими стачек и требования обобществления частной собственности (коллективизации). Так сформировалось течение антиавторитарных коллективистов, среди его активистов были рабочие Варлен, Пэнди, а также Лефрансэ, Малон и другие. Секции Интернационала активно участвовали в поддержке волны забастовок 1868-1870 гг., собирали забастовочные фонды, проводили митинги, создавали дискуссионные группы, занимались образованием рабочих. Члены подвергались арестам и жестоким преследованиям со стороны Имперских властей, которые боялись Интернационала больше, чем какую-либо другую революционную организацию Франции.

Хотя члены МТР занимались социальными проблемами больше, чем какие-либо другие революционеры, у них тоже не было четкого представления о том, что следовало делать. Но была одна идея, очень популярная среди революционеров самого разного толка и быстро распространившаяся в народе. Это была идея местного

самоуправления – свободной Коммуны. Она состояла в требовании, чтобы все аспекты жизни, включая оборону и поддержание порядка, управление, налоги, услуги, медицину и обеспечение бедных, контролировались самим городом и его избранным Советом – Советом Коммуны. Эта идея восходила к истории средневекового городского самоуправления, к коммунальной революции XII века против феодалов и сеньоров и движению за вольные города. Идея территориальной децентрализации выдвигалась в 1860-х гг. и в умеренных и буржуазных кругах, тем более с учетом того, что Париж не имел собственного городского управления с 1848 г. Среди левых идея приняла форму требования «революционной Коммуны» как формы суверенитета революционного народа – в духе Парижской Коммуны 1792-1793 гг. и секций революционного Парижа.

Таковы были силы и идеи, выступившие на поверхность после падения Империи. Но на первом плане по-прежнему стояли национальные, а не социальные требования и лозунги – «национальная оборона». И по мере того, как правительство проявляло все больше неспособности продолжать войну и все больше готовности пойти на мир с Пруссией, парижское население – прежде всего, рабочие и мелкая буржуазия – самоорганизовывалось.

Одной из форм такой самоорганизации были так называемые Клубы. Еще в период конца Империи в Париже стало проводиться множество публичных собраний. Население, активно не участвовавшее в политической жизни с июня 1848 г., открывало ее для себя. С первых же дней республики политические собрания граждан стали проходить систематически. В них участвовали тысячи жителей того или иного квартала или сторонников какой-либо группы. Участники таких митингов принимали резолюции; одной из

рабочие явно не захотели понять умеренности декрета и потребовали гораздо большего – рабочего управления промышленностью. 24 апреля член комиссии по труду и обмену Франкель призвал синдикальные палаты рабочих ассоциаций к активному сотрудничеству в осуществлении декрета и выделил им помещение. Но потребовался еще месяц, чтобы создать Рабочую комиссию по изучению предприятий. 16 мая к механикам и портным присоединились слесари и ювелиры. Федерация рабочих обществ – главная парижская организация Интернационала – 16 мая созвала «все рабочие корпорации Парижа (синдикальные палаты, общества взаимного кредита, общества сопротивления, общества солидарности, производственные и потребительские ассоциации)» на вторую генеральную ассамблею Комиссии по исследованию и организации труда 18 мая. К сожалению, мы так и не знаем, состоялась ли эта встреча. Вскоре революционному Парижу было уже не до этого.

В итоге осуществления декрета от 16 апреля была конфискована дюжина предприятий, важных с точки зрения обороны, починки оружия и производства амуниции. Одно из них – оружейные мастерские Лувра – с начала мая перешли под управление Рабочего совета, избираемого трудовым коллективом и переизбираемого в любой момент. В него входили представители рабочих, руководителей цехов (также избравшихся рабочими), директора и делегата от Коммуны. Совет собирался ежедневно для обсуждения текущих операций и обсуждения предложений, приема на работу и увольнений. Рабочий контроль был установлен и в Национальной типографии. Однако наиболее значительные предприятия города не были затронуты декретом от 16 апреля. В

бесплатные бюро по регистрации предложений и спроса на труд.

Член Интернационала Лефрансэ в конце марта предложил в Совете Коммуны проект создания своего рода органа планирования – «генеральной ассоциации статистики», состоящей из делегатов рабочих ассоциаций, Торговой палаты, Синдикальных палат, директоров Французского банка и руководителей железнодорожных предприятий. Цель – «изучить средства для обеспечения труда и обмена».

В рамках поощрения рабочих производственных ассоциаций Коммуна передала им заказы на пошивку обмундирования для НГ. 16 апреля по предложению Авриала Коммуна приняла решение о передаче бездействующих мастерских, брошенных бежавшими предпринимателями, в руки рабочих производственных ассоциаций. Однако вначале надлежало провести статистический учет этих предприятий, затем решать должны были третейские суды. К тому же ассоциациям предстояло в будущем выплатить владельцам компенсацию. Тем не менее, многие воспринимали декрет как социалистический. Будущий анархо-коммунист Лефрансэ даже назвал его «первым настоящим шагом к социальной революции». Авриаль привлек к разработке практических мер Союз механиков и Ассоциацию металлистов. 23 апреля они направили делегатов в комиссию по реализации декрета, поручив им «положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства: организовать труд путем солидарных ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом». Экономическое освобождение труда, указывали рабочие, может быть достигнуто «только через ассоциацию рабочих, которая должна превратить нас из наемных работников в членов производительного товарищества». Как видим,

основных тем были обращения к правительству с требованием вести «революционную войну», провести чистку бонапартистских элементов и т.д. Традиция собрания жителей кварталов по несколько раз в неделю восходила к традициям Французской революции 18 века с ее секциями – собраниями жителей. Опираясь на аргументы эффективной обороны, клубы поднимали фактически и вопросы народного суверенитета, и социальные вопросы. Они требовали раздачи оружия народу, обеспечения населения продовольствием, выдвигали лозунг Коммуны, который с конца декабря 1870 г. стал обычным в клубах.

В Парижских округах стали возникать «народные комитеты округов», ставивших перед собой задачу осуществлять контроль над 20 мэрами округов города или при необходимости сменить их. Важнейшую роль в создании этих комитетов («республиканских комитетов», «комитетов бдительности и обороны» и т.д.) сыграли секции Интернационала. МТР в Париже имела двойную структуру – территориальную и профессиональную. Первая была образована квартальными секциями, соединенными в «Федерацию парижских секций» (другое название – «Федерация рабочих обществ»). Профессиональная структура состояла из «Федеральной палаты рабочих обществ». Парижский федеральный совет Интернационала с начала сентября призывал соединить революцию и патриотизм и организовать республиканские комитеты «как первые элементы будущих революционных коммун». Именно по инициативе МТР, Федеральной палаты и групп граждан стали проводиться народные собрания, на которых формировались комитеты. В их задачу входила также организация обороны и распределения продуктов.

Окружные комитеты вскоре объединились в федерацию – Центральный республиканский комитет 20 округов (по 4 делегата от окружных комитетов), собравшийся впервые 11 сентября и воспринимавший себя как своего рода контр-власть. Окружные комитеты продолжали активную работу. Народные собрания в кварталах проводились регулярно и определяли состав членов комитета. Комитеты представляли свои резолюции в ЦК. На их основе можно составить представление об их требованиях и программе. Так, один из наиболее продвинутых комитетов (3-го округа) требовал, среди прочего, ликвидации прежней полиции, изгнания бонапартистских элементов, отмены всех ограничений гражданских свобод, отделения церкви от государства и установления чисто светского образования, введения выборности офицеров в «национальной гвардии», проведения выборов в Коммуну, экспроприации всех продовольственных запасов и их бесплатного рационализованного распределения, возвращения всех необходимых вещей, заложенных в ломбарде. Секции Интернационала в 3-ем округе предложили правительству принять декрет об экспроприации мастерских и фабрик, всех учреждений, могущих производить оружие и амуницию. После установления мира эти предприятия должны были быть переданы рабочим ассоциациям, которые бы вели их за свой счет и выкупили бы их за счет продукции. Федеральная палата рабочих обществ во множестве прокламаций требовала коммунальной организации кредита, обмена и ассоциации, чтобы обеспечить работнику полную стоимость его труда.

22 сентября ЦК 20 округов провозгласил: «Спасение Франции и европейской революции зависит от Парижа». 28 сентября ЦК 20 округов опубликовал манифест за «суверенную коммуну, которая осуществит революционный

передать ассоциациям брошенные владельцами предприятия. Но большинство членов Коммуны проявило удивительное, временами даже рабское уважение к принципу собственности и заботу о собственниках.

Социальные мероприятия, осуществленные Парижской Коммуной, в большинстве своем не выходили за рамки социал-реформизма, стремившегося, чтобы и собственники-волки были сыты, и рабочие-овцы целы. Почти сразу же после создания Коммуна отменила задолженности населения по квартплате и отсрочила внесение квартирных платежей с 1 октября 1870 по 1 июля 1871 г., однако ее членам и в голову не пришла мысль о социализации жилья. Была приостановлена продажа вещей, заложенных в ломбарде. Церковь была отделена от государства, а церковное имущество национализировано (прудонисты выступили против такого посягательства на собственность, что они и впоследствии делали не раз).

13 апреля коммунальная комиссия труда и обмена представила три законопроекта о платежах по просроченным векселям и другим обязательствам. Цель всех трех заключалась в оживлении системы кредита и обращения капитала. При этом авторы – прудонист Белэ и прудонист Журд вместе с коллективистом Варленом – стремились соблюсти интересы как должников, так и кредиторов. Белэ предлагал отсрочку выплаты, а часть средств вернуть за счет Коммуны. Журд возражал, что Коммуна не имеет права вмешиваться в частные отношения и предлагал выпустить новые долговые обязательства. Бланкист Тридон предлагал трехлетнюю отсрочку выплаты с 2%-ной надбавкой. Большинство членов Коммуны поддержало проект Журда, что с энтузиазмом встретила парижская буржуазия.

Коммуна ликвидировала прежние посреднические конторы по найму и создала при каждой окружной мэрии

книжечки, распространяемые среди тех, кто пользовался столовыми. В них отмечались в обмен на труд количество и вид предоставляемых благ: порционные боны (овощи суп), боны на хлеб, вино, мясо, одежду, дрова, уголь, «прочие объекты» (шоколад, кофе, сахар), жилье и, наконец, «боны обмена» (если сумма труда была выше, чем сумма выданных бонов). Каждую неделю производился расчет; аванс, указанный на обложке, позволял требовать трудовых услуг или в случае отказа не выдавать новые боны. Альякс предполагал затем расширить эту систему, создав специальные мастерские и муниципальные рынки для продажи изготовленных на них товаров. Удалось привлечь некоторое число женщин к медицинскому уходу. Альякс предложил в Коммуне организовать помощь бедным и старикам. Ему было заявлено, что администрация округов с этим не справляется.

Организации Интернационала, выдвигая своих «революционно-социалистических» кандидатов Коммуну, обещали осуществить социальные мероприятия по реорганизации трудовых отношений на новых началах. Они и ранее требовали развития рабочих ассоциаций как основы экономической кооперативной системы, альтернативной капитализму. Это была старая прудонистская идея, разделявшаяся и многими французскими коллективистами. Однако Совет Коммуны не торопился выполнять эти требования рабочих. Рабочие производственные общества возникали еще в период Империи, и Коммуна обязалась в принципе оказывать им покровительство. Согласно учету Коммуны, к 14 мая в Париже было 42 таких рабочих производственных ассоциации по профессиональному принципу. Согласно старой идее французских организаций Интернационала, следовало передать в их руки жизненно важные средства производства. Рабочие организации предлагали

разгром врага и затем установит гармонию интересов и прямое самоуправление граждан». ЦК постоянно требовал от правительства назначения выборов в Коммуну, впрочем, под нажимом правительства, с начала октября это слово было заменено на «выборный муниципалитет». 8 октября он организовал народную манифестацию за Коммуну, но она закончилась неудачей.

Недовольство населения правительством росло по мере новых военных поражений. 31 октября 1870 г. одновременно с вестью о падении Меца распространилось известие о перемирии с Пруссией. Тысячи людей вместе с национальными гвардейцами наводнили двор ратуши – местопребывания правительства, объявили его низложенным. Парижане требовали отменить перемирие, продолжать сопротивление и сформировать Коммуну. Бланкисты захватили здание ратуши. Правительство выиграло время, объявив о назначении выборов в Коммуну, а затем нарушило обещание и подавило выступление. Многие ведущие революционные активисты были арестованы.

После 31 октября ЦК 20 округов пытался удержать инициативу, отстаивая «бесспорное право народа на Коммуну». 1 января 1871 г. ЦК был переименован в «Делегацию 20-ти округов». В ночь с 5 на 6 января 1871 г. по городу было расклеено ее воззвание (т.н. «красная афиша»), призывавшая народ Парижа взять свою судьбу в собственные руки, создать Коммуну – единственное средство спасения и осуществить всеобщее вооружение народа. С начала февраля 1871 г. «Делегация» стала готовиться к созданию «революционной Коммуны наподобие 1792 г.».

Между тем, положение парижан продолжало ухудшаться. Германская осада продолжалась 4 месяца; жизненные припасы давно подошли к концу, голод стал обыденным

явлением. Кони́на считалась лакомством. Люди ели мышей, собак, крыс, кошек. Дрова были на вес золота. Возросла детская смертность.

Характерно, что в это время предпринимались общественные инициативы по организации снабжения города. Рабочий активист, член Интернационала Варлен основал систему потребительских кооперативов (к 18 марта 1871 г. таких кооперативов было 4). Будущий член Коммуны Альикс организовал в сентябре 1870 г. «новые столовые», объединенные в «Социальную комму́ну Парижа». Еще в период осады пытались стихийно разработать службы эгалитарного распределения с помощью рационирования

Несмотря на трудности, население не хотело капитуляции, к которой склонялись имущие классы. Рабочие кварталы возмущались предстоящими переговорами с пруссаками. 21 января представители всех клубов собрались, чтобы принять последнее решение, пока не наступило окончательное поражение. Туда же явились национальные гвардейцы; поддерживалась связь с комитетами. Было решено назначить вооруженное выступление на следующий день. Заседание закрылось под крики: «Да здравствует Коммуна!». 22 января несколько полков национальной гвардии восстали, но были тотчас же разогнаны регулярными войсками при содействии национальных гвардейцев из имущих классов. Последовали новые аресты; власти распорядились закрыть все клубы Парижа. Наконец, 28 января Бисмарк и французский министр иностранных дел Фавр подписали перемирие. Условия гласили: прекращение боевых действий на 15 дней, немедленный созыв Национального собрания, занятие пруссаками фортов, разоружение всех парижских войск, кроме одной дивизии, выплата Парижем 200 миллионов франков в течение 15 дней.

В целом, речь шла о прудонистско-социалистической программе.

Манифест Интернационала, опубликованный 27 марта, требовал «свободы, равенства, солидарности», «обеспечения порядка на новых основах, первой предпосылкой которого будет реорганизация труда».

В Комиссию труда и обмена Коммуны поступали многочисленные проекты от различных стихийных инициатив, касающиеся реорганизации социальной жизни. Так, Ф. Каролюс предложил в апреле, чтобы все трудящиеся каждой отрасли объединились в федерацию, а те затем – в Федерацию всех парижских ассоциаций. Рабочие синдикальные палаты должны были провести обследование, чтобы установить наличные производственные силы и беспрепятственного определения спроса и предложения. Будущие объединенные ассоциации должны были финансироваться «Федеральным банком». Один рабочий-скульптор, член Интернационала, предложил создать отраслевые корпорации, подразделенные по секциям или округам», то есть соединить профессиональную организацию Парижа 1871 г. с секционной системой Парижа 1793 г. Соединением должен был служить дом, в котором размещались бы коммунальные предприятия, оказывающие услуги и выполняющие работы по самым выгодным ценам. Автор проекта предполагает разорять предпринимателей с помощью конкуренции, поддерживать стачки, постепенно расширять число корпораций, создавая сферу, свободную от коммерции и капитала. Та затем могла бы служить примером и способствовать установлению «всеобщей ассоциации» трудящихся под влиянием Интернационала.

В период Коммуны получили дальнейшее развитие «новые столовые», основанные Альиксом, правда лишь в рамках 8 округа. Были выпущены потребительские

развития образования. Среди тем были права женщин, проблемы алкоголизма, проституции.

С зимы 1870-1871 гг. клубы выступали за проект Коммуны, которая бы состояла из рабочих ассоциаций, заменяющих хозяев, крупные компании и, в частности, железнодорожные компании, откуда они изгонят акционеров, администраторов и иных паразитов.

ЦК 20 округов после избрания Коммуны быстро терял влияние, хотя его заседания происходили иногда ежедневно. Он пытался выдвинуть более конкретную программу революции. В третьем манифесте ЦК 20 округов в связи с выборами в Коммуну развивалась программа политического устройства в духе федерации коммун. В документе, в частности, говорилось: «Посредством революции 18 марта, благодаря стихийному и отважному усилию НГ Париж возвратил себе автономию, то есть право организовывать свою общественную силу, свою полицию и финансовую администрацию». Эта автономия рассматривалась как продолжение «традиции старых коммун и французской революции». В манифесте был предложен перечень необходимых преобразований: политических (индивидуальные свободы, выборность на всех уровнях с императивным мандатом, ликвидация постоянной армии и полицейских префектур и т.д.); экономических («немедленная реорганизация округов города в соответствии с промышленным и торговым положением каждого квартала», «беспрестанное изучение и принятие наиболее адекватных мер для того, чтобы обеспечить производителя капиталом, орудиями труда, сбытом и кредитом»), социальных («интегральное и профессиональное» светское образование, «организация системы коммунального страхования против любого социального риска, включая безработицу и болезнь).

Уместен вопрос: были ли все трудовые массы Франции заражены патриотизмом и национализмом, которые поощрялись революционерами 1870-1871 годов? Сказать трудно. Голоса тех, кто был против, почти не попали в историю. Во всяком случае, как вспоминал анархист Эли Реклю, уже в период Коммуны один рабочий-сапожник сказал ему: «Пока шла война с немцами, я не мог заставить себя убивать немецких солдат, так как понимал, что Вильгельм их так же обманул, как нас Бонапарт. Но с тех пор, как нас атаковали версальцы, я стал другим человеком... Никогда у нас не будет подобной возможности пожертвовать жизнью ради более благородной цели. Потому что... это, на самом деле священная война республики против монархии, священная война рабочих против капитала и паразитизма, священная война, которая даст всем социальное освобождение».

8 февраля 1871 г. состоялись выборы в Национальное собрание. Интернационал и комитет рабочих организаций выставили собственных кандидатов. В Париже левые имели успех, но провинция проголосовала за правых, надеясь, что они принесут мир. Из 750 депутатов 450 были монархистами. Новый парламент собрался в Бордо – подальше от Парижа. Было создано новое правительство во главе с монархистом Тьером. Париж воспринял это как объявление ему войны. 20 и 23 февраля столичные комитеты бдительности объявили, что во имя суверенитета народа отвергают любое Учредительное и Национальное собрание и признают только управление городом революционной Коммуной, состоящей из делегатов от социально-революционных групп этого города.

Накануне вступления в столицу прусских войск Париж все более волновался. Манифестации следовали одна за

другой. Войска, бросающиеся на их усмирение, братались с народом. Тюрьма Сент-Пеленс была взята приступом, а политические заключенные освобождены. С 6 февраля проходили собрания национальных гвардейцев, 15 февраля было одобрено введение к уставу национальной гвардии, в котором речь шла о замене армии народной милицией. 28 февраля собралась комиссия по выработке устава ЦК национальной гвардии. Представители военных комитетов и командиры батальонов высказались за то, чтобы не впускать прусские войска, предместья вооружались. Однако Интернационал и федерация рабочих ассоциаций с трудом уговорили население от выступления, опасаясь неминуемой бойни. Когда 1 марта германские войска вступили в Париж, город встретил их бойкотом и публичным трауром. 3 марта войска противника были выведены.

3 марта делегаты батальонов национальной гвардии решили поручить будущему ЦК перед лицом монархического состава парламента заботиться о сохранении республики вплоть до выхода Парижа из состава Франции. Правительство Тьера явно ориентировалось на конфликт, бросая революционно настроенному Парижу один вызов за другим. Оно приняло решение перенести резиденцию власти из Парижа в Версаль, назначило начальником национальной гвардии ненавистного парижанам генерала Д'Ореля.

Прекращение военных действий в первое время почти не отразилось на материальном положении большинства трудящихся. Цены на продукты оставались недоступно высокими; смертность почти втрое превышала довоенную. Народ периодически громил лавки, в районе рынка вспыхивали беспорядки.

Правительство настроило против себя не только рабочих, но и мелкую буржуазию. Вызванный войной

количество участников возросло, были экспропрированы помещения церквей, но днем обычно туда пускали верующих для богослужений. Заседания проходили по вечерам. Вело их обычно бюро в составе председателя и 1-2 членов, бюро обновлялось регулярно, иногда по несколько раз за вечер. Заседания начинались с сообщений о предыдущих заседаниях, о новостях и местных решениях. Затем переходили к дебатам, выступали ораторы, принимались решения. Клубы долго не имели формальной связи, только с 15 мая началась работа Федерации клубов, которая размещалась перед ратушей, ее бюро заседало ежедневно.

Клубы имели 3 задачи: образования, информации и выражения мнений. На них обсуждались наиболее актуальные общественные вопросы: труд и капитал, практические средства организации, функции и задачи Коммуны, женские проблемы. В плане информации клубы были местом, где жители могли узнать о состоянии снабжения и борьбе с версальцами. Обсуждались решения Коммуны, каждый мог выступить с их критикой. Если по этой критике принималось соответствующее решение, оно немедленно направлялось в ратушу. Клубы выражали также народные инициативы и добивались их реализации: в области зарплаты, медицинского обслуживания, снабжения (создание муниципальных мясных магазинов). Клубы добивались установления практики обязательного присутствия на заседании одного из членов Коммуны, но это не было осуществлено; некоторые члены Совета часто бывали на таких заседаниях индивидуально.

Излюбленными темами на заседании клубов были оспаривание права собственности, необходимость освобождения труда и введения налогов на капитал, критика бюрократии, армии, полиции, требования

решение было принято. Однако народные стихийные инициативы такого рода с сооружением баррикад продолжались весь апрель. 6 апреля Коммуна распустила окружные комитеты НГ, централизуя командование в ущерб местной инициативе. То же самое происходило и с социальными инициативами, не санкционированными Советом. Так, когда в официальной газете Коммуны было опубликовано извещение за подписью члена ЦКНГ Грелье о сожжении в течение 48 часов всех обязательств по государственным ценным бумагам и большой книги государственного долга, на заседании Коммуны 21 мая прудонисты, якобинцы и часть бланкистов потребовали опровержения заметки и немедленных репрессий против его автора. Было поручено Комитету общественного спасения принять меры пресечения «против гражданина Грелье и его сообщников». Интересно, что предложение внес ни кто иной, как Лефрансэ, который всего через несколько лет станет одним из первых анархо-коммунистов.

Что представляли собой народные организации периода Парижской Коммуны и чего они хотели?

Основной формой народного самоуправления оставались клубы. После 18 марта их количество значительно возросло. При Коммуне они возникали почти повсюду, кроме 7, 8 и 16 округа. В центральных кварталах 1, 3, 4-6 округов они были наиболее многочисленны. Клубы издавали свои бюллетени; большинство из них существовали несколько дней, но некоторые – дольше: «Красная», «Пролетарий», «Коммунальный бюллетень» и т.д. Социальный состав точно неизвестен. Вход был иногда бесплатным, чаще 5-25 сантимов (своего рода членские взносы). Клубы собирались в самых различных местах – в школьных и университетских аудиториях, в закрытых театрах, в банкетных и спортивных залах. Когда

экономический кризис вызвал лавину банкротств, но правительство отказалось продлить срок платежа по векселям. С 13 по 17 марта было опротестовано векселей на 150 тысяч франков. Для мелкой буржуазии это значило разорение, для рабочих – рост безработицы. Недовольство в Париже стало всеобщим. 15 марта 215 батальонов национальной гвардии избрали ЦКНГ. У него не было четкой классовой программы, речь шла о защите республики от попыток восстановления монархии. 18 марта правительственные войска попытались отобрать у национальной гвардии 250 имевшихся у нее пушек. При помощи населения пушки были отбиты. Правительство Тьера в панике бежало из Парижа в Версаль. Толпа расправилась с ненавистным сенатором Тома; генерал Леконт был застрелен собственными солдатами. Национальная гвардия заняла казармы, типографию, ратушу, над которой взвилось красное знамя. Население принялось возводить баррикады. 19 марта ЦКНГ начал заседание в ратуше, завладел министерствами и правительственными учреждениями и назначил выборы в Коммуну на 23 марта. Было решено отменить осадное положение и военные суды, освободить политзаключенных. Мэры 20 округов, депутаты парламента от Парижа и предпринимательские круги пытались посредничать между восставшим городом и правительством Тьера и урегулировать конфликт миром, но все эти попытки провалились.

ЦКНГ считал себя временным административным органом, не имеющим полномочий на принятие каких-либо кардинальных мер. Так, он не принял предложение Варлена отложить платежи по векселям. ЦКНГ не захватил Французский банк, а занял у него 1 миллион франков, которые были пущены в т.ч. на пособия 300 тысячам парижских безработных. Он не организовал и

немедленный поход на растерявшийся Версаль, позволив клике Тьера собрать силы и перейти в контрнаступление. Более того, он приказал народу прекратить разгром редакций реакционных газет.

Многие революционеры в те дни критиковали решение сосредоточиться на выборах Коммуны. Большинство членов ЦК 20 округов в конце концов выступило в поддержку ЦКНГ, но критиковало его за нерешительность и промедление. По их мнению, следовало действовать скорее, ибо сейчас нужны революционные меры, а не выборы. Федерация парижских секций Интернационала колебалась в поддержке ЦКНГ и лишь 23 марта выпустила манифест в поддержку Коммуны, туманно призывая к «свободе, равенству и солидарности», к «реорганизации труда» на новых основах. Временная комиссия 1-го округа Парижа еще 3 апреля заявляла: революция самодостаточна и легитимна, она не нуждается в легитимации посредством выборов.

По справедливому замечанию Кропоткина, трудовой народ Парижа не знал, что ему надо сделать в день революции. Он был не подготовлен к сознательному революционному действию, весьма смутно представляя себе свои задачи. И все это несмотря на огромную тягу и способность к самоорганизации. «Вместе с мелкой буржуазией он (народ) кричал в марте 1871 года: «Коммуна!». Но ни в 1848, ни в 1871 году он не имел ни малейшего понятия о том, как решить вопрос о хлебе и труде ни в Республике, ни в Коммуне. «Организация труда», этот лозунг 1848 года... был так смутен, что под ним можно было разуть все, что угодно; то же самое можно сказать о столь же смутно понимавшихся тогда идеях коллективизма, высказанных в... Интернационале. Если бы в марте 1871 года организаторов Коммуны спросили, что нужно

себя... люди доверились своим представителям, отдали им в руки всю инициативу».

Парижское население в 1871 г. не создало такую стройную систему народного самоуправления, какую представляли из себя секции 1792-1793 гг., представлявшие из себя своего рода регулярные общие народные собрания. Народные общества (территориальные и профессиональные) в 1871 г. были также активны и многочисленны, но они не сложились в единую структуру и не могли превратить членов Совета Коммуны в своих простых делегатов с императивным мандатом. Члены Совета были наполовину делегатами, наполовину депутатами. Тогда левый прудонист, а затем анархо-коммунист Лефрансэ описывал это так: не отменять правительственное действие, а поддерживать его с помощью прямого участия всех интересов в управлении; Коммуна – это исполнительный аппарат народной воли, но без права передавать суверенитет третьим лицам.

Через 10 лет после Коммуны ее участник Вайан в либертарном журнале «Ни бога, ни хозяина» противопоставлял ЦК 20 округов выборной Коммуне: «Вместо революционной Коммуны Париж стал выборной Коммуной... По самому факту своего выборного происхождения она не могла обладать тем единством действия и энергией, какие имеет комитет, стихийно, революционно созданный восставшим народом. Несмотря на всю свою добрую волю, она не могла иметь те результаты, какие в свои лучшие дни имел ЦК 20 округов...». Не удивительно, что Совет Коммуны проявил, по словам Кропоткина, «полное революционное бессилие» в социальных вопросах и скорее тормозил народную инициативу пролетариата. К примеру, 3 апреля на заседании Коммуны депутат Растьель потребовал, чтобы никто не имел права трубить сбор без решения исполнительной комиссии. 5 апреля соответствующее

– 6 тыс. франков в год, что не превышало размеров средней зарплаты. Бежавшие чиновники старого режима были заменены коммунальными служащими. Административные обязанности были разделены между членами самой Коммуны, которые возглавили 10 тематических и отраслевых комиссий: исполнительную, военную, продовольствия, финансов, юстиции, общественной безопасности. Труда, промышленности и обмена, общественных служб, внешних сношений, просвещения. Во главе окружных мэрий были поставлены члены Коммуны, избранные от соответствующих округов. Выборность, сменяемость и ответственность всех должностных лиц были принципами работы Коммуны.

Что же представлял из себя коммунальный режим 1871 года? Мы имеем дело с противоречивой смесью элементов народного самоуправления, форума, общих собраний, с одной стороны, и муниципальной власти, с другой. Грань между ними еще не представляли себе со всей отчетливостью. Социалистический либертарный идеал безгосударственного самоуправления в то время еще полностью не сформировался, и именно опыт Коммуны способствовал его формированию. Коммуна была первой попыткой пролетариата разбить ярмо государства, поэтому она открыла новую историческую эру. «В 1871 году, – писал Кропоткин, – народ Парижа, который так низверг правительства, сделал лишь первую попытку восстания против самой правительственной системы: он впал в правительственный фетишизм и дал себе правительство. Последствия известны». Коммуна не порвала «окончательно с традицией государства, представительского правления, и все это не пытались достигать в пределах Коммуны методом организации «от простого к сложному», объявляя при этом независимость и свободную федерацию Коммун». «Вместо действия для

сделать для разрешения вопросов о хлебе и труде, то произошло бы истинное вавилонское столпотворение самых противоречивых ответов. Нужно ли было завладеть фабриками и заводами во имя Парижской Коммуны? Можно ли было захватить частные здания и провозгласить их общественной собственностью восставшего города? Нужно ли было объявить все богатства, нагроможденные в Париже, общественным достоянием французского народа и употребить эти могущественные средства в целях освобождения? Ни на один из этих вопросов в народе не было сложившегося мнения. Занятый нуждами каждодневной борьбы, Интернационал упустил из виду основательное обсуждение этих вопросов».

В обращении ЦКНГ от 20 марта Париж назывался «вольным городом». Накануне он призвал другие города и районы Франции следовать примеру Парижа. 19 апреля Парижская Коммуна приняла свою политическую программу («Декларацию к французскому народу»). В ней значились следующие основные пункты: республика, абсолютная автономия Коммун по всей Франции, соединяющихся в общезаконодательную ассоциацию, право Коммун принимать бюджет, собирать и распределять налоги, руководить общественными службами и коммунальным имуществом, избрание должностных лиц на основе принципа постоянного контроля и переизбираемости, гарантия индивидуальных свобод, свободы совести и свободы труда, постоянное участие граждан в коммунальных делах, организация обороны с помощью НГ. Предполагалось, что Коммуны, возникшие таким образом, затем соединятся в нечто общее.

Коммунальная революция охватила не только Париж, но распространилась и в провинции. В Лионе еще 4 сентября 1870 г. был создан Комитет общественного спасения, преобразованный 15 сентября в выборный

муниципалитет. Большинство его членов составляли рабочие представители и радикальные революционеры. Они добились принятия коммуналистских мер: создания народной национальной гвардии, введения светских школ, введения налога на собственников. В город прибыл Бакунин, который вместе с Ришаром и Бастелика попытался продвинуть революцию в социальном и антиавторитарном направлении. По их инициативе были созданы из членов Интернационала в Лионе и Марселе Центральный комитет спасения Франции и Лигу Юга. 28 сентября 1870 г. во время протестов рабочих судоверфей Бакунин организовал захват ратуши и провозгласил Коммуну. В изданной «Красной афише» выдвигалась идея «революционной федерации Коммун». В ней говорилось, что французская нация оказалась на краю гибели и спасти ее может с помощью отчаянного действия только народ, ставший полным хозяином себя самого. «Ликвидация административной и правительственной машины государства стала необходимостью». Должна была установиться «народная справедливость», налоги не должны были больше уплачиваться и т.д. Но восстание было быстро подавлено буржуазными батальонами, а Бакунин арестован и выслан. В начале ноября народ вновь безуспешно попытался захватить ратушу. Власть в городе принадлежала правительственному префекту, но над ратушей до 2 марта продолжал развеваться красный флаг. 22 марта 1871 г. после событий в Париже префект был арестован рабочими батальонами национальной гвардии, 23 марта временная комиссия назначила выборы в Коммуну. Однако она проявила нерешительность и пошла на соглашение с властями 25 марта. Но в народных кварталах продолжали работать эмиссары Парижской Коммуны. С помощью анархистов они организовали новое восстание 30 апреля. Был захвачен ряд мэрий,

довольно трудно. Французский источник: 14 активистов Интернационала, 9 активистов бланкистских групп, около 20 якобинцев и 25-30 «независимых революционеров». Советские исследователи: 19 якобинцев, 18 бланкистов, 13 прудонистов, 10 коллективистов- федералистов («левых прудонистов»), 3 – близки к Бакунину, 2 – близки к Марксу. В любом случае, тенденция видна достаточно ясно. В Совете образовалось свое «большинство», группировавшееся преимущественно вокруг якобинцев, бланкистов и независимых, и «меньшинство», состоявшее преимущественно из прудонистов и коллективистов. Первые больше интересовались политической революцией, вторые – социальной. Впоследствии в Совет 16 апреля проводились довыборы.

Первое заседание Совета состоялось 28 марта 1871 г. под председательством старого друга Прудона Белэ. На следующий день новый муниципалитет был официально переименован в «Парижскую Коммуну».

Смена названия не была чистой формальностью. Коммуна действительно сломала старую государственную структуру, заменив ее коммунальным управлением. Рядом декретов и постановлений она объявила недействительными решения версальского правительства, то есть, по существу, объявила о независимости Парижа. В программе Коммуны Париж обосновывал свое право организовывать жизнь по-своему, предложив остальным регионам страны вступить в новые, равноправные, федеративные отношения (в будущем допускалось создание администрации из представителей коммун, которая будет заниматься только общенациональными делами). Была упразднена регулярная армия и прежняя полиция. Единственной вооруженной силой в городе признавалась НГ – народное ополчение. Был установлен максимальный размер жалования служащим коммунальных служб

В Тулузе префект-республиканец отказался подчиниться решению Тьера о своем смещении. Опираясь на НГ, он согласился с провозглашением Коммуны. Но одновременно тайно известил версальцев о своей верности. Когда прибыл новый префект, ему не было оказано никакого сопротивления. Либералы попросту подставили рабочих.

В Лиможе агитацию за Парижскую Коммуну велась с 23 марта. 4 апреля солдаты, которым было приказано идти на Париж, братались с рабочими. Часть НГ захватила префектуру и провозгласила Коммуну. Однако в тот же день после боев с регулярной армией восстание было подавлено.

Итак, попытки коммунальных восстаний вспыхивали почти одновременно в различных крупных центрах, но с первых же шагов терпели поражение из-за разнородного состава участвовавших сил и нескоординированности движения. Волнения продолжались. Но Париж остался один.

Выборы в Совет Коммуны Парижа все же состоялись 26 марта. Выборы проводились по норме: 1 представитель от 20 тысяч населения. Всего было выбрано 86 (90) человек, в том числе 17 (18) буржуазных либералов и радикалов, которые вышли из Коммуны в первые же дни. Осталось 68 человек. Социальный состав. Один из французских источников: 12 журналистов, 2 художника, 1 архитектор, 1 инженер, 3 адвоката, 3 врача, 1 фармацевт, 1 ветеринар; 25 рабочих различных специальностей, 12 ремесленников, 4 служащих, 4 торговца. Советские исследователи: 32 представителя интеллигенции, лиц свободных профессий и военных (журналиста, адвоката, врача, офицера и пр.), 25 рабочих, 8 служащих, 1 ремесленник, 2 мелких предпринимателя. Точную принадлежность членов Совета Коммуна к идейным течениям определить

воздвигнуты баррикады. Однако 1 мая восстание было подавлено с использованием артиллерии и пулеметов.

В Марселе еще 7-8 августа 1870 г. тысячи демонстрантов ворвались в мэрию и создали Революционный комитет. Уже 10 августа выступление было подавлено. В городе действовала сильная секция Интернационала во главе с Бастелика, требовавшая закрытия религиозных школ, отделения церкви от государства, сокращения оклада чиновников и введения налога на богачей. 1 ноября восставшие захватили ратушу, и объявили Коммуну. Однако в течение 24 часов в городе был восстановлен прежний порядок, поскольку власти воспользовались отсутствием согласия между различными ассоциациями. В городе сохранялось неустойчивое равновесие между буржуазной и рабочей гвардией, действовали революционные клубы. 23 марта 1871 г. рабочие отряды национальной гвардии захватили префектуру; радикалы и рабочие активисты организовали департаментскую комиссию. Коммуна во главе с республиканцем Кремье продержалась до 4 апреля. Движение поддерживалось не только рабочими, но и мелкой буржуазией, что придавало неопределенный характер ее целям и средствам. Парижские эмиссары, люди молодые и неопытные, не смогли организовать сопротивление правительственной армии, мелкая буржуазия в критический момент проявила нерешительность. В итоге отряды флота и буржуазной национальной гвардии с использованием пушек подавили движение, была устроена кровавая расправа. Убито свыше 150, арестовано более 900 человек.

В Алжире 5 сентября 1870 г. тысячи французских рабочих и радикалов устроили массовую манифестацию и свергли императорскую колониальную власть. Во всех городах с европейским населением были созданы

комитеты обороны, требовавшие участия в управлении, чистки от бонапартистов, ликвидации военного режима. Но представитель новой власти – префект не допускал их к реальному контролю и добился удаления рабочих из их состава. По инициативе алжирских секций Интернационала была создана Республиканская ассоциация. Она выступала за превращение Алжира в федерацию муниципалитетов-коммун. В составе РА были не только французы, но и некоторое количество арабов и берберов. При этом ассоциация не поддерживала идеи национальной арабской независимости Алжира, хотя допускала возможность отделения от Франции, если на континенте победит монархия. В то же время она считала, что национальная гвардия должна бороться не только с монархистами, но и с восстаниями, руководимыми местными феодалами и вождями. Национальная гвардия с выборным командным составом была подчинена комитетам обороны и выборным муниципалитетам. Председателем Комитета обороны и мэром Алжира был Вюйермоз, сторонник мелкобуржуазной демократии. 28 октября рабочие-европейцы и арабская беднота штурмовали и захватили дворец генерал-губернатора. После капитуляции французской армии под Мецем в Алжире вспыхнули новые манифестации. 7 ноября РА потребовала передать всю власть комитетам обороны. На следующий день КО и муниципалитет Алжира избрал Вюйермоза временным чрезвычайным комиссаром. Было объявлено, что основой демократии является коммуна, а страна будет федерацией коммун. Однако уже 11 ноября Вюйермоз поспешил передать власть правительственному комиссару, переподчинившему себе национальную гвардию и развернувшему чистку революционных элементов. После провозглашения Парижской коммуны РА послала делегацию в Париж.

В Алжире был вновь поставлен вопрос о Коммуне, но умеренные сорвали его решение. Ситуация усугубилась началом нового арабского восстания. На его подавление в апреле Версальское правительство прислало нового генерал-губернатора, который без больших трудностей разогнал муниципалитет и национальную гвардию.

В Сент-Этьене рабочие активисты и либералы из «Республиканского альянса» требовали Коммуны еще после 4 сентября 1870 г. 23 марта 1871 г. революционеры, собравшиеся в одном из клубов, вместе с местным комитетом НГ потребовали провозгласить Коммуну, муниципальный совет подал в отставку. 24 марта продолжались переговоры сторонников Коммуны с мэром и префектом. После убийства в перестрелке одного из рабочих ратуша была взята, клуб и офицеры НГ сформировали «правительственную комиссию» и назначили выборы на 29 марта. Однако в городе царила сумятица, и 28 марта войска без сопротивления вновь заняли ратушу.

В рабочем сталелитейном городе Крезе 24 марта 1871 г. произошло восстание в поддержку революционного Парижа. 25 марта демонстранты потребовали Коммуны, которая и была провозглашена на следующий день. 27 марта в город вернулся префект с 1000 солдат. Продолжались демонстрации против версальцев, но стороны избегали столкновений. Мало-помалу национальная гвардия была разоружена, а борьба переведена в русло муниципальных выборов.

В Нарбонне 12 марта 1871 г. 2 тысячи демонстрантов требовали вооружения национальной гвардии и принятия красного знамени. 24 марта народ захватил мэрию и провозгласил Коммуну, продержавшуюся 8 дней. 31 марта выступление было подавлено: восставшие сдались под угрозой бомбардировки города.